

Зарождение первичных закономерностей нормативного регулирования общественных отношений.

Н.В. Сильченко

Государство и права: теория и практика. – Вып. 3. – Калининград : Изд-во КГУ, 2004. – С. 22 –35.

Н.В. Сильченко

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Ни одно общество не может нормально функционировать и развиваться без того, чтобы не урегулировать надлежащим образом общественные отношения. Уже на ранних этапах развития человечества было сделано одно из самых значительных социальных открытий, суть которого состоит в том, что наилучшим образом общественные отношения можно упорядочить путем создания разнообразных правил поведения общего характера. Тогда же в системе нормативного регулирования общественных отношений сложились и самые первые закономерности во взаимодействии между отдельными видами правил поведения, которые затем, после возникновения права, трансформировались в закономерности правового воздействия на общественные отношения.

С целью рассмотрения данных закономерностей «реконструируем» вначале систему правил поведения первобытного общества.

Известно, что первичными правилами поведения первобытного общества были разнообразные табу, которые существовали на протяжении десятков и даже сотен тысяч лет и складывались стихийно в ходе практической деятельности людей во взаимодействии с природной средой. Они как бы извне навязывались первобытному человеку и самым первым человеческим сообществам «...слепой, неопознанной ими внешней силой [1, с. 278]». Древние люди словом «табу» одновременно обозначали и запреты осуществлять какие-то действия, и сами запрещенные действия, и состояние, в котором могли находиться люди и вещи. По мнению Ю.И. Семенова, сущность табу сводится к запрету определенных действий, а потому табу – запреты и являются самой первичной, исходной формой данного вида правил поведения. Но при этом следует иметь в виду, что далеко не каждый запрет представляет собой табу, в то время как каждое правило поведения под названием «табу» есть запрет или связано с запретом. Поэтому термином «табу» обозначаются запреты особого рода [1, с. 275].

Одна из важнейших особенностей табу состоит в том, что сам запрет ничем не мотивируется и ничем не обосновывается. Ясно одно: нарушать табу нельзя, потому что в случае его нарушения человеку и коллективу угрожает какая-то опасность. Эта опасность остается потенциальной, скрытой до времени. Но как только табу нарушается, опасность из потенциальной превращается в реальную и угрожает не только нарушителю табу, но и всему коллективу [1, с. 276]. Таким образом, страх перед неведомой опасностью, которая может обрушиться на коллектив при нарушении табу, вынуждает его принимать все меры к тому, чтобы заставить всех членов коллектива не нарушать запреты, а также наказывать нарушителей табу как людей социально опасных.

На более поздних этапах развития первобытного общества возникает новый нормативный регулятор общественных отношений — мифология, которая по сути «...представляет собой набор хороших и дурных примеров, руководство к действию или воздержанию от действий, способы поведения, которым должны следовать люди в своих взаимоотношениях с природой и друг с другом [4, с. 195]». Современная историческая и этнографическая науки выделяют в мифе несколько тесно взаимосвязанных моментов – познавательный – идеологический, нормативно – регулятивный, обрядовый, воспитательный [3, с. 34], а А.Б. Венгеров, на мой взгляд, справедливо считает его нормативно-регулятивную часть, т. е. те правила поведения,

которые закреплялись в мифе и в которых аккумулировался тысячелетний практический опыт человечества, главной, ведущей составляющей его частью [6, с. 57].

По сравнению с табу миф является более сложным нормативным регулятором, потому что в нем содержатся и закрепляются уже не только какие-то «нормы – запреты», но и правила поведения, основанные на положительном, творческом опыте человека; в этих правилах показывается и всячески стимулируется социально активное, социальное полезное и значимое поведение, говоря современным языком, «правомерное поведение». При этом миф сопровождается, как правило, определенными обрядами, ритуалами, которые содействовали его закреплению в сознании первобытного человека.

Значительные изменения в системе нормативного регулирования первобытного общества произошли в ходе неолитической революции. Именно в это время возник качественно новый вид правил поведения в форме календаря (агрономического либо животноводческого), в котором всесторонне и детально регламентировалась жизнедеятельность каждого человека в относительно замкнутых, автономно функционирующих общинах земледельцев и животноводов.

Более того, в условиях производящей экономики, сложившейся в ходе неолитической революции, календарь становится главным, доминирующим видом правил поведения первобытного общества, поскольку именно в нем регламентируется основная масса социальных связей и самые значительные для существования человека общественные отношения. Табу и мифы, в том числе и новые, по-прежнему продолжают регулировать значительную часть социальных связей, но они не занимают более доминирующего положения в системе нормативного регулирования и перемещаются на «периферию» значительно усложнившейся системы нормативного регулирования социальных отношений.

Таким образом, логика формирования и развития отдельных видов правил поведения в первобытном обществе состояла в следующем. Вначале возникают правила поведения, в основе которых лежит запрет. Затем формируется миф и положительные (стимулирующие=мифы – стимулы) правила поведения. В календаре на более высоком уровне органически соединяются как нормы – запреты, так и стимулирующие правила поведения. Кроме того, значительно усложнившиеся формы жизнедеятельности человека в условиях производящей экономики потребовали, во – первых, значительной дифференциации в системе правил поведения, а во – вторых, создания правил поведения интегративного характера, т. е. таких правил (норм), в которых бы выражались и закреплялись самые фундаментальные ценности общества.

С возникновением календаря в системе нормативного регулирования общественных отношений, скорее всего, и начинает складываться одна из закономерностей нормативного регулирования общественных отношений, выражающаяся в том, что между разными видами правил поведения формируются особые взаимоотношения, которые затем, когда возникает право, стали проявляться в форме иерархии, субординации между разными по содержанию и характеру нормами права и различными источниками права.

Содержание этой закономерности можно сформулировать так. Правила поведения общего характера развивались от простых по своему содержанию и структуре к более сложным. При этом система более сложных правил поведения всегда стремилась подчинить себе систему более простых правил, сделать ее зависимой от себя либо вытеснить на периферию нормативного регулирования общественных отношений. Между системой более сложных правил поведения и системой более простых правил устанавливались своеобразные субординационные взаимоотношения. Ранее сформировавшаяся система нормативного регулирования продолжала существовать и регулировать общественные отношения, но при этом она находилась в силовом поле более сложной системы и вынуждена была подчиняться тем принципам и ценностям, которые формулировались в нормативных системах более высокого уровня.

Поскольку в условиях первобытного общества существует социальная однородность общества, отсутствуют социальные противоречия, основанные на количественном и качественном имущественном неравенстве, то между разными видами нормативных регуляторов не могло существовать противоречий в их современном понимании. Разные виды правил поведения регулировали разные

стороны и разные «пласты» общественных отношений, но действовали они при этом согласованно, дополняя друг друга. Они располагались, условно говоря, на одной линии, но по своей важности и значимости эти правила поведения представляли, скорее всего, своеобразную пирамиду, на вершине которой находились самые ценные из них, самые определяющие для жизнедеятельности первобытного человека. В этом смысле слова все правила поведения первобытного человека были строго ранжированы, причем ранжированы независимо от вида – были это правила поведения, которые формулировались в календаре, сохранялись как табу или как мифы.

Таким образом, к моменту возникновения права общество уже имело сложившиеся представления о важности и значимости правил поведения, а также об определенной ранжированности самих правил и тех форм, в которых они выражались и закреплялись. В этом смысле представления о юридической силе, верховенстве (первенстве) права над иными видами нормативных регуляторов, а также главенстве одних источников права (например, закона) над другими являются известной трансформацией тех представлений о ранжированности норм и механизмов их обеспечения, которые были сформированы еще в первобытном обществе.

Суть еще одной закономерности нормативного регулирования общественных отношений, которая сложилась уже на самых ранних этапах истории первобытного общества, состоит в том, что одновременно и, скорее всего, параллельно с созданием системы нормативного регулирования общественных отношений был сформирован и особый механизм передачи правил поведения от одного поколения к другому, основанный на привычке не нарушать известные всем людям правила поведения – табу, мифы и правила календарей. В основу данного механизма были положены специфические правила – средства, с помощью которых сохранялись и защищались табу, мифы, календари – ритуалы, обряды, нормы этикета. С помощью этих правил – средств происходила реализация правил поведения в повседневной жизнедеятельности древнего человека и одновременно обеспечивалась их передача от поколения к поколению, формировалась установка, привычка, а затем и обычай сохранять и исполнять правила поведения.

Не будет преувеличением суждение о том, что уже в древнем обществе произошло своеобразное разделение всех правил поведения на нормы «материальные» и «процессуальные». Анализируя правила поведения первобытного общества, Т.В. Кашанина справедливо отмечает, что «...содержание ритуала не столь важно, поскольку доминирующее значение имеет его форма [2, с. 188] ». Представляется, что данный вывод можно расширить и распространить на обряды, правила этикета и обычаи, подчеркнув при этом, что содержание и основное назначение этих правил поведения состоит в том, чтобы обеспечить надлежащее существование и исполнение основных нормативных регуляторов – табу, мифов, календарей.

На примере становления, развития и трансформации системы нормативного регулирования первобытного общества четко прослеживается, на мой взгляд, и еще одна закономерность нормативного регулирования общественных отношений, а точнее говоря, закономерность во взаимоотношениях системы нормативного регулирования и системы организации власти и управления. Суть ее состоит в следующем.

Хорошо известно, что правила поведения первобытного сообщества выражали его волю и интересы, а потому и воспринимались каждым его членом в качестве собственных правил поведения и исполнялись добровольно. В первобытном обществе первоначально не существовало специальных органов, которые следили бы за осуществлением нормативных регуляторов. К нарушителям правил поведения применялись воспитательные меры, а при необходимости – принуждение, но все эти меры исходили от всего сообщества.

Вместе с тем, по мере развития первобытного общества и усложнения системы нормативного регулирования (особенно после появления такого нормативного регулятора, как миф) в первобытном обществе появились шаманы – люди, которые специально занимались сохранением правил поведения и пристально следили за тем, как исполняются ритуалы, обряды, правила этикета и т. д. У этих людей был огромный авторитет среди сородичей, опиравшийся на специальные знания и необычные

способности.

Не так ли было и в случае с формированием права? В условиях социально неоднородного общества, когда начинал складываться качественно новый вид правил поведения, не отвечающий интересам всего сообщества и требующий поэтому особых средств защиты, был найден единственно правильный выход – «учредить» специальные структуры власти для защиты нового вида правил поведения или приспособить уже существующие властные структуры для решения этих же задач. На более поздних этапах развития права данная тенденция (тесная взаимосвязь видов правил поведения и отдельных органов власти) проникает уже в формирование некоторых видов нормативных регуляторов и проявляется в форме специализации определенных органов власти и управления на сохранении и защите узкоспециализированных видов правил поведения, например отдельных видов норм права.

В условиях первобытного общества не существовало никакой разницы между правами и обязанностями людей. Первобытные люди, которые принадлежали к одному сообществу, были психологически и физически тождественны. Тождественность между людьми вытекала, во-первых, из факта отсутствия противоречий в обществе, которые были бы обусловлены качественным и количественным имущественным неравенством, а во-вторых, родственными связями, которые лежали в основании первобытного общества. «Сплачивая коллектив, – пишут А.И. Першиц, АЛ. Мангайт, В.П. Алексеев, – родоплеменная организация ставила вне закона все, что находилось за рамками этого коллектива. Подавляя в интересах общества всякое проявление индивидуализма, она вместе с тем нивелировала и всякую индивидуальность, сковывала инициативу и предприимчивость. Люди этой эпохи неотличимы друг от друга... в первобытном обществе человек еще ощущал себя слитным с другими людьми, еще не смотрел на себя со стороны, еще не обладал сколько-нибудь развитым самосознанием [4, с. 143].»

Факт тождества между людьми в первобытном обществе дает, на мой взгляд, основание сделать вывод о том, что в первобытном обществе, по меньшей мере на самых ранних этапах его развития, не могло существовать морали и нравственных правил поведения в их современном понимании. Дело здесь в том, что мораль и нравственные правила поведения складываются в условиях, когда человек в состоянии выделить себя из некоторого целого, осмыслить свою «самость», себя как индивида, как личность, которая имеет свои интересы, не совпадающие с интересами других людей и интересами коллектива. Только при сопоставлении интересов в сознании и душе человека возникают оценки интересов, происходит их субординация, отдается предпочтение тем или иным из них, а поведение человека в зависимости от преимущества тем или иным интересам оценивается как справедливое или несправедливое, хорошее или вредное.

Одновременно можно констатировать и следующее. Только после формирования личных, неповторимых, индивидуальных интересов в первобытном обществе могли созреть условия для возникновения индивидуальной, а затем и частной собственности, вначале спорадического, а затем и регулярного товарообмена. Поэтому явление, а точнее процесс, трансформации «тождественного» общества в общество «индивидуализированное» требует своего дальнейшего и самого тщательного изучения. Здесь, в этом процессе, как можно с большой долей уверенности полагать, и коренятся причины морали и нравственности, корни частной собственности и развития права. Одновременно можно высказать и версию о том, что индивидуализация общества была одной из самых первых и самых существенных причин (или предпосылок) дифференциации системы нормативного регулирования и формирования отдельных видов правил поведения первобытного общества.

Характеризуя правила поведения, свойственные первобытному обществу, следует иметь в виду и то, что на их характер, содержание, развитие и трансформацию очень сильное воздействие оказало развитие характера и способов мышления первобытного человека. Без эмоционально-интеллектуальных усилий со стороны человека никакие правила поведения вообще не могли не только возникнуть, но и существовать. «Всякая норма, – писал известный русский философ А.А. Богданов, – предполагает более или менее сознательную формулировку и предполагает мысль о возможности «нарушения [5, с. 47]».

Вместе с тем само мышление первобытного человека первоначально было интуитивно-мистическим, потому что в условиях присваивающей экономики очень тяжело было установить и утвердить связи между действиями человека и результатами его действий. Случайность результатов на охоте, во время собирательства и рыболовства, отсутствие закономерных связей между трудом и его результатами не позволяло сформулировать достаточно точные, формально-определенные, правильные, однообразные нормы, регулирующие поведение человека на охоте, при занятиях рыболовством и собирательстве. В этих условиях акцент в нормировании поведения человека переносился на ритуальную и обрядовую часть поведения, на те правила поведения, которые предшествовали его производственной деятельности и которые сопровождали ее результаты. Их можно было сформулировать точно и однообразно. В этом смысле слова можно сделать вывод о том, что «процессуальные нормы» исторически возникли ранее «материальных норм».

После перехода первобытного общества от присваивающей экономики к производящей, с возникновением земледелия и животноводства перед человеком предстала целостная и полная картина происхождения результатов его труда, человек смог точно увидеть связь «...между началом и результатом процесса, у истоков которого он сам стоит [6, с. 88] ». Меняется мышление первобытного человека. От интуитивно-мистического мировосприятия он постепенно переходит к мышлению, в котором преобладают логические моменты. А вместе с таким переходом происходят и изменения в характере и содержании сформулированных человеком правил поведения. Они приобретают большую абстрактность, более обобщенный характер, большую формальную определенность. Более того: при создании правил поведения первобытный человек переносит акцент на производственную сферу своей деятельности и стремится наиболее детально и подробно урегулировать отношения именно в производственной сфере. Происходит формирование «материальных норм».

Таким образом, возникновение «материальных норм» исторически было жестко связано не только с переходом от присваивающей экономики к экономике производящей, но и с переменами в характере мышления древнего человека.

При формировании права произошли коренные изменения во всей системе нормативного регулирования. Прежде всего, само право выдвинулось на первые роли в деле регулирования общественных отношений, потому что оно стало регулировать самые значительные для жизнедеятельности общества отношения.

Но при «расщеплении» мононормативной, единой для всего сообщества системы нормативного регулирования общественных отношений каждый из самостоятельных видов правил поведения постепенно стал занимать при воздействии на общественные отношения свою отличительную «нишу», находил при этом те общественные отношения или их отдельные стороны, на которые продолжал в дальнейшем оказывать регулирующее воздействие. Таким образом, при возникновении качественно нового нормативного регулятора закономерно произошли качественные изменения и в иных видах правил поведения, их подсистемах и во всей системе нормативного регулирования в целом. Сфера действия одних правил поведения увеличилась, например морали и нравственных норм, а поле действия других правил поведения уменьшилось, например табу и мифов.

Одним из самых интересных для нас явлений стало активное использование нормативных регуляторов, свойственных первобытному обществу, при создании норм права.

Для придания правового характера отдельным правилам поведения первобытного общества достаточно было поменять содержание только части старого правила поведения, например, поменять санкцию за нарушение правила путем установления материальной ответственности в место моральной. Части нормативных регуляторов первобытного общества придавалось новое звучание: при сохранении внешней формы они наполнялись иным содержанием и приспособлялись для регулирования новых общественных отношений. Но не меньшее значение при создании норм права, и особенно при их закреплении в сознании людей, имели те правила – средства, которые были очень хорошо разработаны в первобытном обществе, – ритуалы, обряды, разнообразные религиозные процедуры и правила. Для придания авторитета и общей обязательности новым, не известным первобытному обществу

правилам поведения - нормам права – они были, возможно, самым лучшим средством. «И до настоящего времени индийское обычное право, – заметил в свое время Г.С. Мэн, – на котором отпечатались некоторые любопытнейшие черты первобытного общества, ставит все личные и наследственные права в зависимость от соблюдения торжественных обрядов, установленных для погребения умерших и вообще для всех тех случаев, когда выбывает один из членов семьи [7, с. 5 – 6]».

О довольно широком использовании формы табу при регулировании отношений собственности, в частности при переходе (или передаче) какой – то вещи из собственности одного человека в собственность другого на примерах жизни эскимосов, писал известный русский ученый – юрист М.М. Ковалевский. Поскольку эскимосам было хорошо известно, что какая-то вещь, которая обозначалась как табу, не могла быть использована никем иным, кроме собственника, то для обозначения передачи вещи в собственность другому лицу и подтверждения факта смены собственника использовалась форма табу, а именно – обозначение вещи путем касательства ее языком. М.М. Ковалевский, описывая быт эскимосов, замечает, что те, «... купив какую – нибудь безделку, – будь – то даже иголка, – тотчас подносят ее ко рту [8, с. 50]».

На мой взгляд, одной из форм возникновения права на самых ранних его этапах был такой способ создания норм права, при котором частично менялось содержание старого, хорошо известного правила поведения – какого – то табу, мифа, правила календаря. При этом для поддержания его авторитета и придания общей обязательности новому правилу поведения использовались хорошо известные и неопровержимые правила – средства. Более того: в первобытном обществе уже существовала определенная, довольно организованная сила в лице шаманов, которые выполняли ритуалы, обряды и иные правила – средства. Не случайно именно эта группа людей во многих регионах земного шара и стала первоначально той социальной силой, которая создавала нормы права, а также осуществляла правосудие.

Вместе с тем основной формой в развитии права был путь создания качественно новых, не известных первобытному обществу правил поведения – норм права, которые регулировали возникающие товарно – денежные отношения и отношения, обусловленные развитием регулярного товарообмена и товарно - денежных отношений. Безусловно, при создании и качественно новых, правовых по своему содержанию правил поведения не могли не использовать интеллектуально-информационное содержание свойственных первобытному обществу правил поведения, т. е. тех сведений об обществе, поведении человека, которые находили в табу, мифах, календарях, иных правилах поведения. Но при этом сами правила поведения – нормы права – ранее не имели своего аналога.

В работе А.Г. Проста приводится пример с определением собственника земли в случае, когда возникал спор о собственности на землю. «Так, в период зарождения государственности во многих местах, – пишет А.Г. Прост, – для решения спора о земельной собственности в суд приносили глыбу земли и тяжущиеся вступали в борьбу над ней [9, с. 32]». Данный пример свидетельствует о том, как под воздействием новых, не известных первобытному обществу правил поведения – норм права (материального права собственности) – формировались качественно новые правила – средства (процессуальное право собственности) по определению собственности и собственника. Причем когда на самых ранних этапах формирования права доля норм права, которые имели «исключительно правовые корни» и не имели аналогов в известных правилах поведения, была небольшой, то по мере формирования и расширения сферы товарно-денежных отношений их удельный вес увеличивался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семёнов, Ю.И. Как возникло человечество / Ю.И. Семёнов. – М.: Наука, 1966.
2. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы / Т.В. Кашанина. – М.: Юрист, 1999.
3. Венгеров, В.Б., Барабашева, Н. С. Нормативная система и эффективность общественного производства / В. Б. Венгеров, Н.С. Барабашева. – М.: Изд – во МГУ, 1985.
4. Першиц, А.Н., Монгайт, А.Л., Алексеев, В.П. История первобытного общества / А.Н. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1982.

5. Богданов, А.А. Вопросы социализма / А.А. Богданов. – М.: Политиздат, 1990.
6. Кумф, Ф., Оруджев, З. Диалектическая логика / Ф. Кумф, З. Оруджев. – М., 1979.
7. Мэн, Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Г. Мэн. – СПб., 1873.
8. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский. – СПб., 1896.
9. Прост, А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений / А.Г. Прост. – М., 1901.